

АНДРЕЙ КАЛАШНИКОВ

ДЕРЕВНИ УМИРАЮТ ТИХО

1

Не знаю, насколько это название соответствует тому, что будет изложено ниже, но я не нашёл другого.

28 октября 2018 года я с группой молодых людей из фотостудии “Вспышка” (Кристина Муха) из города Ржева посетил в очередной раз потерянную в дремучих лесах деревню Мончалово. В этой деревушке из 33 домов в данный момент осталось всего два. В одном из них живёт наша давняя знакомая – 93-летняя Дроздова Нина Ивановна.

Тут же, с южной стороны деревни, расположено братское захоронение, в котором покоится прах 1601 красноармейца из 29-й и 39-й Советских армий, погибших в немецком окружении зимой 1942 года. Здесь же находится небольшое гражданское кладбище, вполне ухоженное, но со всех сторон заросшее бурьяном и кустами.

Братское захоронение в терпимом состоянии. За последний год нашлись родные трёх красноармейцев, которые привезли и установили портреты и мемориальные доски своим героям. Трава на захоронении подкошена, листья и сухая трава не убраны.

Гражданское кладбище небольшое, разделено на две части. Имеются недавние свежие могилы, установлены новые гранитные памятники – видно, что сюда приходят родные погребённых. Слово “приходят” я не случайно выбрал... Дороги до деревни Мончалово попросту нет.

Дорога от станции Мончалово до деревни Мончалово – около 2 км, и она вкрай разбита. Это огромные колеи с вязкой жижей и водой, глубиной до 70 см. Большая часть дороги заболочена – проехать по ней можно разве что на тракторе или лесном вездеходе.

Вдоль дороги стоят нестарые железобетонные опоры линии электропередач. Правда, проводов на них нет – украли в 2000 году. Говорят, сначала украли один пролёт охотники за цветными металлами, а пока власти и электрики медлили, воры срезали остальные провода. С тех пор электричества в Мончалово нет.

И вот живёт здесь уже 93-й год Дроздова Нина Ивановна. В 16 лет узнала она, что такое настоящая война. Советские войска спешно и хаотично отходили от наступающих германских дивизий осенью 1941 года. В ту пору они

Автор — депутат Совета депутатов сельского поселения “Медведево” Ржевского района Тверской области. Ему 31 год. Публиковал очерки в журнале “МолОко”. Готова к выходу книга очерков о Ржевской битве.

заявились и в Мончалово. В деревне завязалась перестрелка. Вся семья Нины Ивановны (брат, две сестры, папа с мамой и бабушка) спрятались в окопе, куда немцы бросили гранату. Взрывом убило бабушку и ранило Нину Ивановну осколками в живот и руку. Из окопа они побежали к дому, и по дороге её брату разрывной пулей оторвало кисть левой руки...

Зимой 1942 года советские войска пошли в прорыв в ходе наступления фронта и освободили Мончалово. Но спустя месяц немецкие части окружили советские 29-ю и 39-ю армии и стали их методично уничтожать на территории от Мончалово до деревни Павлюки на юге. Все кусты и канавы были завалены трупами красноармейцев. В ходе боёв был убит отец Нины Ивановны. Похоронить его смогли лишь весной, когда сошёл снег. Тогда же оставшиеся жители хоронили погибших красноармейцев, стаскивая тела в воронки от бомб и в овраги.

В начале 1943 года Нину Ивановну вместе с другими молодыми мончановцами немцы загрузили в вагоны и увезли в плен. Довезли до немецкого города Пиллау (ныне Балтийск), где до освобождения в апреле 1945 года она трудилась на принудительных работах. После освобождения Нина Ивановна ещё год работала на восстановлении города Витебска.

В 1947 году она смогла вернуться в родное Мончалово. Здесь она с оставшимися в живых членами семьи жила в землянке, потом в колхозном домишке. Работала в местном колхозе. В первые годы возделывали почву вручную.

В колхозе Нина Ивановна проработала до пенсии. Муж её, участник Великой Отечественной войны, штурмовал Берлин.

И вот сидит эта совсем старенькая бабушка на такой же старенькой табуретке в кухне своей избы. На стене как раритет висит без дела электросчётчик, к которому уже не подходят провода, – электричества нет 18 лет! Рядом самовар, в одном месте давший течь. Вместо холодильника – подпол. Вместо телевизора – вид развалившегося от времени соседского дома в окне. Есть радио на батарейках – Нина Ивановна в курсе событий в стране. На скамье возле печки стоят два ведра с водой из покосившегося колодца, расположенного рядом с крыльцом. Тут же керосиновые лампы – в тёмное время они освещают избу. Газовая плита есть, и газ есть, в баллоне, но он на вес золота, так как доставить в Мончалово по бездорожью этот баллон стоит больших трудов и денег.

Нина Ивановна долго отвечала на наши вопросы, потом умолкла. Повернулась ко мне и спросила: “За что же мы страдали столько тогда? Зачем вокруг моей деревни погибали тысячи молодых красноармейцев? Зачем мой муж был ранен и штурмовал Берлин? Ведь мы живём сейчас хуже, чем те, кто проиграл войну. Страна в разрухе, руководители на местах наворовать не могут! Что стало с Родиной? Откуда столько злости и жажды денег в людях?”

Что я ей мог на это ответить? Как я могу вложить совесть в чинуш – местных и рангом выше? Они возомнили себя стратегами, политиками, экономистами... Нина Ивановна не понимает, что стало с людьми, а я ей не в силах этого объяснить! Внутри всё переворачивается, когда ты, представитель молодого поколения, сидишь перед таким вот человеком и готов сквозь землю провалиться за чужие поганые души. Не дай Бог нам всем видеть то, что видели глаза этой старенькой жительницы Мончалово...

Эй, власть имущие!!! Ваши лозунги и речи с телеэкранов и страниц газет ничего не стоят! Им будет хоть какая-то цена, только если вот такие люди, как Нина Ивановна, будут жить достойно!

Да, ей выделили в 2010 году однокомнатную квартиру в Ржеве, но она не поедет туда жить – я её понимаю!.. Пока она живёт в Мончалово – жива эта деревня, приглядывают за братским захоронением. Благодаря этой бабушке сотни людей смогли найти это захоронение, ведь среди леса и зарослей кустов родственники погибших часто блуждают и не могут дойти до цели. Там нет ни единого указателя.

Дочка же Нины Ивановны ежедневно утром и вечером ходит в сапогах по этой жуткой дороге среди леса до автобуса. Сапоги оставляет у знакомых, далее на автобусе она доезжает до Ржева, работает и так же добирается обратно – вот пример настоящей любви детей к своим родителям. Зимой она на лыжах ходит по этому пути – дороги не чистят.

В прошлом году, когда проблему Нины Ивановны мы подняли в социальных сетях, работники районной администрации защищались наличием у Нины

Ивановны квартиры в Ржеве. То, что она не хочет переезжать, – её личные проблемы!

Наплевательское отношение к людям, к памяти, к уважению того героического поколения... Но сколько пафоса в табличках на трассе “Балтия”! “До братского захоронения Мончалово – 5 км”. Попробуйте после этого знака найти братское захоронение – без местного провожатого не обойтись. На установку знака, небось, кучу денег списали! Лучше бы подсыпали дорогу на них, толку больше было бы.

Я рассказал Нине Ивановне о скором строительстве крупного железобетонного изваяния на повороте на деревню Хорошево, куда протянут и газ, и электричество, и воду... И бюджетных денег с миллиард вбухают. На этот пирог уже достаточно высокопоставленных ртов нашлось. “Герои же тут лежат, в этой могиле, в Мончалово, в десятках других могил среди кустов и непроходимого бурелома, куда и дорог уже нет. Зачем там памятник? Для показухи? Почему про живых забывают, а для мёртвых такие вложения?” – задаёт мне вопросы Нина Ивановна.

Как рассказать ей про псевдопатриотизм, на котором дербанят бюджетные миллиарды? Чем объяснить десятки заброшенных братских могил, в которых лежат тысячи наших героев? Как в вековую годовщину комсомола ей объяснить, что для современных правлстных молодёжных организаций (типа “Молодой гвардии”) проявлением патриотизма является махание флажками на площади да агитация за своих кандидатов на выборах?

Нина Ивановна говорит, что керосин сейчас трудно достать хороший. На зиму нужно литров 50. Постараюсь найти и доставить. В субботу ближайшую первую партию керосина отнесу в Мончалово.

Народ, может, сможем мы вместе купить бензогенератор для Нины Ивановны да обеспечить её топливом... Купить пару новых баллонов газа... Может, будет возможность подремонтировать братскую могилу и дорогу до Мончалово... Эти дела, наверно, должны быть от сердца, а не из-под палки, поэтому призываю при желании поразмыслить совместно.

Пока же всё так...

2

Этот очерк про жизнь в Мончалово я опубликовал сначала в соцсетях. Статья задела сердца многих людей. Говорили много правильных слов в поддержку Нины Ивановны, многие решили помочь материально – об этом чуть ниже.

Прошло две недели. За это время неравнодушными жителями Москвы, Твери, Ржева, Зубцова на карту по номеру телефона была перечислена приличная сумма денег, но самый весомый вклад сделал депутат Заксобрании Тверской области Станислав Петрушенко. Он приобрёл для нужд Нины Ивановны бензиновый генератор! Да, вот так, позвонил мне и сказал, в какой день прибудет генератор и где его в Твери нужно забрать. Человек, малое отношение имеющий к Ржевскому району, но имеющий сердце, совесть и чувство долга перед тем поколением, которое выдюжило фашистское нашествие и возродило страну из руин. Спасибо Станиславу Петрушенко за это!

В среду, 7 ноября, на вездеходе к Нине Ивановне приехали гости из города Зубцова. Во главе группы был депутат Зубцовского района Игорь Бабушкин, который доставил газовый баллон, пакеты с продуктами и передал денежные средства. Мужчины собрались после прочтения моей статьи, и из побуждения совести и чувства долга посетили 93-летнюю жительницу деревни Мончалово! Бабушка с добротой о них отзывается, ведь главное – ей уделили внимание совершенно незнакомые люди, поговорили с ней, выслушали!

В субботу вечером мне всё же удалось добраться до Твери и забрать бензогенератор, приобретённый депутатом Заксобрании. В воскресенье, в 9 часов, мы с женой стояли возле начала разбитой дороги на деревню Мончалово. Мы думали, как нам вдвоём тащить по жиже и воде 40-килограммовый генератор, 25 литров бензина и мешок с проводами и инструментами. Я пытался всё это тащить волоком на срубленных ветках кустов, но идея оказалась провальной.

Мы приняли решение взяться за генератор с двух сторон, во вторую руку я взял канистру с бензином, Настя понесла мешок.

С частыми короткими передышками за 1 час 45 минут мы смогли преодолеть расстояние в 3 километра и донести груз до дома Нины Ивановны. Путь наш увеличился в связи с тем, что дорога до Мончалово стала совсем непроходимой, и мы решили идти по лесной дороге, где ранее пролегла узкоколейная железная дорога, построенная ещё немцами в годы войны (в 90-х годах все рельсы и часть шпал здесь украли).

Путь нам дался не очень легко, но мы выдюжили и добрались до Нины Ивановны. Конечно, я поразился силе духа Насти, которая со мной наравне тащила все тяжести и, хоть ей было очень тяжело, она не жаловалась и прошла весь путь!

Нина Ивановна встретила нас с переживаниями, ведь долго шли. Говорила, что не нужно столько сил тратить ради неё, а потом расплакалась, увидев, что мы принесли источник электроэнергии и запустили его...

В течение двух часов мне удалось смонтировать новую электропроводку в доме (старую хозяева сняли давно за ненадобностью). Бензогенератор установили в отдельное помещение с хорошей вентиляцией, откуда шум меньше слышен в избе. На кухне и в комнате были повешены две энергосберегающие лампы, оборудованы две розетки. В ближайшее время планирую установить розетку в комнате и вывести освещение на веранду.

Нина Ивановна принималась несколько раз плакать... Всё говорила, что неудобно ей, столько заботы... Её дочь очень нам помогла и напоила нас чаем, а я её обучил, как пользоваться генератором.

И вот торжественный момент – в избе Дроздовой Нины Ивановны впервые за два десятка лет загорелся свет от электричества! Теперь уйдут в прошлое долгие тёмные вечера и такие же утра, которые жители этого дома коротали при керосиновой лампе. Нина Ивановна, конечно, беспокоилась – безопасно ли это, но, в конце концов, она окончательно поняла, что цивилизация всё же дошла до её дома.

Бензин для генератора я буду стараться периодически доставлять в Мончалово. Может, получится найти старенький телевизор.

Хочется выразить человеческую благодарность людям, перечислившим деньги в помощь бабушке. Это Лидия Новикова, Галина Лазарева, Ирина Чуйко, Лидия Сычёва, Наталья Манилова, Ирина Спирина! Спасибо вам огромное! На эти средства уже закуплен бензин, электропроводка и сопутствующие этому комплектующие, баллон газа и т. д.

Друзья, мы вместе сделали огромное дело! Каждый из нас смог внести часть тепла и добра в жизнь Дроздовой Нины Ивановны. На 94-м году жизни впервые за два десятка лет она сможет жить при электрическом освещении и пользоваться теми благами цивилизации, которые для нас являются обыденностью! Нина Ивановна искренне всех благодарит за доброту и отзывчивость!

В конце всё же хочется добавить ложку дёгтя. Вам не кажется, что во всём этом повествовании чего-то не хватает? Чего-то такого, что должно быть обязательно? Я говорю о властях Ржевского района всех уровней! Ни слова, ни действия не было от муниципальных властей. Будто это их не касается! Люди, представители высших эшелонов власти, из разных городов России принимают участие в этом благом деле ради живого человека и памяти погибших солдат, а власти Ржевского района безмолвствуют.

Но нет! Для них этот не тот масштаб! Здесь, в поле возле Ржева, планируют строить грандиозный мемориал. А рядом доживают в нищете десятки свидетелей и участников той войны... Тут же неподалёку лежат в братских могилах тысячи тех самых освободителей, но только на ремонт этих могил нет денег у местных властей, порой к этим могилам нет и дороги...

Последняя жительница деревни Моржово

...Ещё каких-то пять лет – и крупные, но отдалённые от городов сёла и деревни превратятся в тлеющие очаги существования последних коренных селян. О мелких уже никто и не вспомнит – они и сейчас пусты, а спустя пять лет выгорят и зарастут бурьяном.

В северной части Ржевского района, которая ныне входит в сельское поселение “Победа”, темпы вымирания деревень и впрямь “победные”. Не доезжая до деревни Парихино, есть справа неприметный съезд без каких-либо указателей. Свернув, через 2 км мы оказываемся у деревни Моржово, чуть

левее – деревушка Степанцово, спустя ещё 1,5 км, справа вытянулась по берегу маленькая речушка Млинги деревня Бураково, а далее через километр мы упираемся в тупик – здесь руины деревни Висино, и дальше дороги нет.

На четыре деревни сейчас не наберётся и десяти жителей. Не так давно эти деревушки были населены, в них были свои промыслы и традиции.

В январе 2019 года я познакомился с жительницей деревни Моржово Татьяной. Хоть ей уже 61 год, к отчеству она не привыкшая. Познакомился с Татьяной через бывшую её односельчанку, которая через социальные сети попросила помочь хозяйству жительницы деревни. Помощь заключалась в покупке и доставке сюда нескольких мешков овса. Оказывается, у Татьяны имеется большое хозяйство, но у неё возникли трудности с кормом для животных.

Моржово встретило безлюдными покосившимися домами, среди которых виднелись некоторые покрепче, видимо, дачные. При въезде справа в руинах стоит большая ферма – грустный памятник некогда существовавшему в этих местах сельхозпроизводству. Строение имеет второй этаж, на котором раньше вязали и развешивали берёзовые веники для корма овец. Как мне поведали в деревне Бахмутово, эту ферму в нулевые облюбовал один местный житель для передержки угнанных автомобилей (славится Ржев этим преступным “промыслом”). Сейчас же ферма вовсе без дела стоит, ветшая ежегодно всё сильнее.

Первый дом в Моржово как раз и есть жилище моей героини. Сразу видно – дом жилой. Рядом – загон для овец, с другой стороны – курятник, сарай для коровы, перед домом – дровник. Возле дома ходят мощный конь и темная лошадка поменьше, они умело раскручивают рулон сена. Собачка Дружок на страже – встречает машину лаем.

Татьяна вышла навстречу. Она коренная жительница. Родилась в 1958 году в Моржово, учиться ходила в начальные классы в соседнее Харино, а дальше продолжала обучение в Ефимовской школе деревни Парихино. Родители её также всю жизнь прожили в Моржово, ощутили тяжесть немецкой оккупации, всю жизнь трудились на земле.

В 1954 году отец выстроил этот дом. У Татьяны – две сестры. После обучения она некоторое время пожила в городе. В 1982 году вышла замуж в Ржеве. Через год у неё родился первый сын, в 1986-м – второй. В этом же году она со всей семьёй вернулась к себе в деревню и стала трудиться на ферме, относящейся к совхозу имени Кирова.

“Кстати, в прошлом году здесь у нас лагерь поискового отряда из Тюмени стоял, всё ж повеселее было. Я им показала две воронки рядом с дорогой, где похоронены советские солдаты. В итоге в одной воронке ребята подняли 41 бойца, а во второй – 151-го! Я просто помню эти места, мне отец показывал”, – рассказывает последняя жительница Моржово.

Я стою с Татьяной возле дома. Дружок играет с конём по кличке Орлик. “Этот крупный питомец – как член семьи, – признаётся Татьяна. – Уже более 10 лет служит нам верой и правдой. Орлик приспособлен и к плугу, и к верховой езде. Раньше на нём все в деревне огороды пахали, муж же всё пытался его объездить. Получилось. Да только он далеко не пойдёт от дома. Дове-зёт, бывало, мужа до моста на краю деревни и всё, дальше не заставишь его...” – улыбается Татьяна.

Тут улыбка с лица Татьяны сходит... “Продавать придётся Орлика, уже и покупательница нашлась. 80 тысяч рублей даёт за него. У нас безвыходная ситуация, придётся отдать за эту цену”. Сложно спросить о личном, но всё же получается узнать, что за “безвыходная ситуация” сложилась у этой трудолюбивой женщины.

Оказывается, в прошлом 2018 году её сыну суд вынес наказание в виде штрафа 80 тысяч рублей за незаконную рубку деревьев. Деревенские жители ежегодно заготавливают дрова на зиму в окрестных лесах, пилят в основном ольху, режу – берёзу и осину. Сыновья Татьяны также ежегодно помогали маме с заготовкой дров, расчищая от зарослей олешиника опушку соседнего леса. С точки зрения законодательства – да, это нарушение. С точки зрения деревенского уклада жизни – это санитарная обработка леса, ведь если его не подрубать, деревья вскоре к огородам подойдут.

Так вот, одна семья дачников из Моржово решила свести личные счёты с Татьяной (это я уже сам выяснил) и сделала донос в полицию. Наши “доблестные” стражи порядка молниеносно среагировали, приехали со специа-

листами лесного хозяйства к Татьяне, а та по наивности и доверчивости, не чувствуя за собой вины, показала место вырубki... В итоге полицейские изъяли бензопилу и завели дело на сына. Может, нужно было дать участковому денег, и дело бы замяли?..

Стоит моя собеседница, гладит морду Орлику, плачет... Не поймёт она, за что взъелись те люди на её семью... Жалко ей расставаться с Орликом. Тот будто понимает тоску хозяйки, подгибает шею, пытается спрятать морду ей под руку. Полицейские сказали, что в марте приедут, изымут остатки дров в дровнике, видимо, как вещдоки...

Стою я и вспоминаю, что в тот день, когда я привозил овёс для лошадей, мне навстречу попало четыре груженых лесовоза. Местные говорят, что их с десяток проезжает ежедневно. Нещадно вырубают ржевские леса под видом санитарной обработки. Полиция на такие вещи не реагирует... Опасно это для них, можно с высокооплачиваемой службы слететь. Лесной бизнес в Тверской области крышуют серьёзные дядьки, там всё схвачено. Зато план по раскрытию можно сделать вот на таких последних жителях ржевских деревень, как Татьяна.

Но это не вся беда, приключившаяся с моей героиней. Летом от рака лёгких у неё на руках умер муж... Татьяна роняет слёзы, рассказывая о последних минутах его жизни... Тяжело слушать... В начале декабря прошлого года во время родов умерла единственная корова. Татьяна называет её кормилицей... Всё – молоко, творог, сметана – расходилось среди дачников. Это был единственный заработок. Хоть Татьяна и работала почтальоном, да только 2000 рублей в месяц сложно назвать зарплатой...

Коровник теперь пустует... Дом и все дворовые постройки в хорошем состоянии – дети еженедельно приезжают и помогают по хозяйству.

Сильно подкосили Татьяну события последнего года. Она морально подорвана, и по этой причине нет сил вести хозяйство, да и возраст уже. Без мужика в деревне туго. Она уже решила на продажу Орлика, вырученными деньгами закроет судебный штраф. Может, за лето продаст остатки скотины и в сентябре поедет к сыну в Ржев...

Вторая лошадь – местного «барина». Он выстроил дорогушную усадьбу в Харино. Скупил все поля и леса в округе. Теперь вот катается на охоту по обезлюдевшим полям. Остатки местных мужиков у него работают по хозяйству. Лошадь «барин» оставил на содержание Татьяне, платит ей минимум на содержание.

Мы около двух часов стояли в окружении лошадей, собаки и кур с Татьяной, беседовали о многих проблемах деревни. Она видит их через призму своего опыта проще, по-деревенски. Моя героиня винит в смерти деревни не только власти, но самих жителей... Ведь именно они бросили малую родину ради потребительского комфорта, разучились производить, а теперь травят свой организм магазинными фальсификатами и состояния тратят на лекарства от букета городских болезней.

Моя помощь овсом для лошадей кажется каплей в море проблем, с которыми столкнулась эта крепкая, трудолюбивая и добрая женщина. Она слёзно благодарит. Я постараюсь в ближайшее время привезти ей ещё несколько мешков овса.

Пришло время прощаться. Уже стемнело, а во всей округе нет ни единого фонаря. Не светятся окна домов. По округе разносится звон оторвавшегося с крыши полуразрушенного дома листа железа. Меж кустов завывает ветер. Следующей зимой, скорее всего, Моржово станет вовсе нежилой деревней. Не будут гулять по лугам кони, бляеть овцы, куда-то денется резвый Дружок. Сложно Татьяне осознать, что предстоит проститься с родной деревней... Сложно верить, что её деревня никому не нужна...

А сколько таких деревень в Ржевском районе? Да что там район – в стране? Тысячи прекращают своё существование ежегодно. Этого не услышишь в отчётах президента и даже районных властей. Деревни умирают тихо. Деревни, стойко выдержавшие многие войны, в том числе немецко-фашистскую оккупацию, воспряли из пепла, а теперь гибнут от бесхозяйственности и безразличия современной власти. А ведь 80% Героев Советского Союза в годы Великой Отечественной войны дала русская деревня. А сколько она дала поэтов, учёных и деятелей культуры, которыми по сей день восторгается весь мир!

Страшно оказаться провидцем, но со смертью русской деревни неминуема смерть государства в нынешних его границах.